

Новая ясность в деле Хайдеггера: круглый стол

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ

Доцент, Школа философии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: agloukhov@hse.ru.

ДМИТРИЙ КРАЛЕЧКИН

Философ, переводчик, независимый исследователь (Москва). E-mail: euroontology1@mail.ru.

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Руководитель, профессор, Школа культурологии, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: 105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4. E-mail: vkurennoj@hse.ru.

МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Научный сотрудник, гуманитарный факультет, Лозаннский университет. Адрес: Université de Lausanne, CH-1015 Lausanne, Switzerland. E-mail: mmaitsky@gmail.com.

ИГОРЬ ЧУБАРОВ

Директор Института социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет (ТюмГУ); старший научный сотрудник кафедры эстетики, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). Адрес: 625003, Тюмень, ул. Ленина, 23. E-mail: tchubaroff@gmail.com.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер; рецепция Хайдеггера; антимодернизм; философия и власть; антисемитизм.

В круглом столе, организованном в «Музеоне» и посвященном выходу на русском языке первого тома «Черных тетрадей» Мартина Хайдеггера, приняли участие Алексей Глухов, Дмитрий Кралечкин, Виталий Куренной, Михаил Маяцкий и Игорь Чубаров под модераторством Валерия Анашвили. Были затронуты не только центральные темы этого тома, но и те аспекты хайдеггеровской мысли, которые теперь, после публикации «Черных тетрадей» (и начала работы

над их переводами в разных странах), не могут не подвергнуться переосмыслению. Среди них вопросы как биографические (о так называемой ошибке Хайдеггера, его «повороте»), так и выходящие за рамки случая Хайдеггера: «общие места» (такие как «антисемитизм») и возможная позиция философа по отношению к ним, приятие/неприятие «модерна», его критика справа и слева, соотношение философии и политики/власти, антисемитизм и др.

Валерий Анашвили¹: «Черные тетради» ставят исследователей перед экзистенциальным выбором. Можно рассуждать так:

Хайдеггер оказался явным мракобесом, антисемитом и нацистом, поэтому, вне зависимости от его глубинных мотивов, отныне мы должны презирать все его творческое наследие и считать его пустышкой.

А можно и так:

Несмотря на то что Хайдеггер позволял себе в частных записях и отдельных завуалированных жестах неконвенциональный ныне мыслительный тон, касающийся евреев, русских, американцев, католиков, ученых, коллег, студентов, вообще всей человеческой массы, в целях философской истины этим можно пренебречь и считать, что тон его мысли никак не связан с объективностью его мышления.

Выбор одной из двух стратегий в современном хайдеггероведении кажется обязательным. Какая-то сила неумолимо навязывает необходимость примкнуть к тому или иному непримиримому лагерю. Однако я не уверен, что следует размежевываться столь яростно и бесповоротно. Мне кажется, что время окончательных решений еще не пришло, что нужно продолжать читать Хайдеггера и пытаться его понять. В конце концов, просто продолжать получать удовольствие от (некоторых) его пассажей — тех, где он философ, а не унылый и недалекий морализатор или пафосный кликуша.

Мы с коллегами много издавали Хайдеггера раньше (даже, грешным делом, я сам его немного переводил), будем издавать его и впредь. Для выводов и решений нужен материал: чем больше текстов будет доступно по-русски, тем весомей окажутся аргументы его критиков или поклонников, тем сложнее будет разного рода проходимцам от философии приватизировать тот или

1. Главный редактор Издательства Института Гайдара, издатель русского перевода «Черных тетрадей».

иной «фрагмент» Хайдеггера — его «национализм», почвенность, *Dasein* или что-то еще.

«Черные тетради» местами производят гнетущее впечатление, да. И для меня даже не тем, что в них Хайдеггер продолжает оправдывать свое ректорство и другие ошибки, обвиняя в них кого угодно, только не себя. А тем, что он пишет так, словно хочет окончательно укрыть от будущего свою личность, маленького живого Мартина Хайдеггера, сидящего в скорлупе огромного непробиваемого 100-томного автора под названием «Мартин Хайдеггер». Но тем интереснее искать и находить в «Черных тетрадях» крупинцы его настоящей, не заглушаемой трескотней уже давно истлевшего языка, живой души. И наблюдать, что в действительности хотела высказать чахлая и невеликодушная душа этого великого философа.

В общем, очень сложный текст, о котором мы сегодня начнем говорить. Алексей Глухов, пожалуйста.

Алексей Глухов: Я должен буду вас сразу разочаровать, поскольку «Черные тетради» не умещаются в один том, который мы обсуждаем на сегодняшней презентации. Некоторые из этих тетрадей изданы пока только по-немецки. И на мой взгляд, особенный интерес представляют тетради, которые относятся к военным годам. В частности, 97-й том, где содержатся тетради с 1942 по 1946 год, то есть за тот переломный исторический момент, когда все меняется — в жизни всего мира и самого Хайдеггера. Крайне интересно проследить эту интеллектуальную драму — в греческом смысле, к чему я еще вернусь: как меняется высказывание, речь самого Хайдеггера, начиная с того момента, когда он чувствует себя в положении свободного мыслителя в том мире, который господствует над всем остальным или стремится к этому господству, и до того момента, когда его выгоняют из университета, и он называет собственное увольнение «предательством против мысли», мысли вообще. Как проживается эта драма? Так что следующий том, на мой взгляд, будет еще более интересным.

«Черные тетради» — лишь часть корпуса текстов, которым мы сейчас располагаем. Я сравниваю это с ситуацией 1990-х годов, когда был опубликован текст горячо мною любимого Владимира Вениаминовича Библихина «Дело Хайдеггера», в котором он защищает Хайдеггера. Я думаю, всем этот текст знаком. По сравнению с тем временем сейчас издано очень много текстов, которые Библихину не были известны. В начале 2000-х годов были изданы лекции Хайдеггера «О существе истины», которые относятся

к периоду его ректорства, то есть к 1933–1934 годам. Очень интересно посмотреть, как переплетается его преподавание, его бюрократическая активность и толкование платоновского символа пещеры. Хайдеггер не просто ректор университета, администратор, а, согласно введенному в этот период в Германии *Führerprinzip*’у, вождь тех людей, которые его окружают. Он ведет их совершенно сознательно.

Например, 30 января 1934 года, то есть спустя год после прихода нацистов к власти, Хайдеггер в своих лекциях по Платону, в § 28, после пункта «с» делает паузу и произносит речь, посвященную этому событию, а затем вновь продолжает, переходя к пункту «d». В этой речи он полностью солидаризуется с тем, что происходит, и, более того, констатирует, что национал-социалистическая революция развивается слишком медленно. Мы понимаем, что Хайдеггер стоял в интеллектуальном авангарде национал-социализма, и это не попытка его в чем-то обвинить, призвать к ответу — нет, так он понимал себя сам: он интеллектуальный авангард, вождь этого движения, почти равный самому фюреру. Здесь очень интересный момент, как всегда сложный в случае с Хайдеггером: понимает ли он, где заканчивается его речь и начинается речь фюрера. В лекциях отчетливо видно, что этой границы он не признает, играя на платоновском отождествлении философа и политика, дистанцируется от него, но как вождь держит его в уме. Хайдеггер совершает ошибку, когда демонстрирует желание высказываться за фюрера и понимает, что это невозможно. Революция идет своим путем, и он вынужден подать в отставку. Мы должны пересмотреть позицию начала 1990-х годов, упомянутый текст Бибихина, где тот пытался защитить Хайдеггера, настаивая на неучастии последнего в активизме. Хайдеггер сам хотел быть лидером национал-социалистического движения.

Изданы были также семинары Хайдеггера 1933–1934 годов «О сущности и понятии природы, истории и государства» и 1935 года — посвященные философии права Гегеля. С одной стороны, мало ли, какие темы Хайдеггер выбирает. Но нужно понимать, что тема семинара 1935 года неслучайна, более того, этот курс чрезвычайно интересен, поскольку содержит, в частности, основы учения о государстве. Это хайдеггеровские основы учения о государстве. То есть если кто-то сегодня будет говорить, что у Хайдеггера не было политической философии, загляните в том 86. В 1935 году, таким образом, он вместе с Карлом Шмиттом, написавшим целую апологию Нюрнбергских законов, участвует в деятельности Академии немецких юристов. Семинар по философии права

был выбран неслучайно: Хайдеггера волнует, на каких основаниях должно строиться новое национал-социалистическое государство. Все эти тексты были изданы отчасти подпольно, вне собрания сочинений, в хайдеггеровском ежегоднике. Издательской политикой руководит семья, наследники Хайдеггера. Они не очень стремились к тому, чтобы эти семинары были изданы. Все выходит на свет постепенно, этих текстов раньше просто не было, они были изданы буквально несколько лет назад. Из них во всяком случае следует, насколько активно Хайдеггер участвовал в актуальной политике.

Когда я пишу, что хайдеггеровская философия и политика были двумя неразделимыми вещами, то имею в виду тот же семинар 1934 года, где он пишет: «Бытие человека — политическое». Поэтому когда кто-то хочет спасти Хайдеггера, признавая, что в политике он наделал ошибок, но философом был прекрасным, он выступает против хайдеггеровского определения человеческого бытия. Хайдеггер совершает ошибку, и это не мое определение. Берем текст, относящийся, видимо, к концу войны, — 98-я страница 97-го тома, где сам Хайдеггер пишет слово *Irrtum*, то есть «ошибка» его ректората 1933 года (это его собственная квалификация). Интересно понять, в чем состояла эта ошибка. *Irrtum* — немецкое слово, которое имеет тот же корень, что *errare* в *errare humanum est* — «человеку свойственно заблуждаться». То есть он забрел не туда, но только не в пространстве, а во времени. По его собственной квалификации, ошибка состояла в том, что он слишком поспешил, опередил время, присоединился к движению в ненужный момент, то есть ошибся хронологически. С другой стороны, в продолжении той же страницы он пишет, что не мог не участвовать во всем этом. Мы видим Хайдеггера в положении персонажа древнегреческой трагедии, когда одна сила движет героя в сторону, противоположную другой силе, разрывая его на части. Описывается классическое аристотелевское определение перипетии, в которую попадает трагический герой, и ошибка, которая ему свойственна. У каждого трагического героя есть *ἀμαρτία*, присущая ему ошибка: он совершает ошибку, из-за которой в результате с ним все и происходит.

Здесь мы видим две силы, которые движут Хайдеггером. Одна — это сила истории. Хайдеггер объявляет себя человеком, который обладает наиболее тонким слухом по отношению к истории. В 1933 году ему показалось, что наступил момент, когда он слышит ее голос, история происходит сейчас и с нами, и нужно в этом участвовать. Однако такая ошибка сильно подрывает маг-

нетизм Хайдеггера. Харизматическим лидерам такого типа ошибки не прощаются, они не совершают ни одной ошибки, в этом их сила. Если он ошибся в самом главном, магнетизм его мгновенно рассеивается. Так вот, Хайдеггер допустил ошибку как раз в том, в чем хотел первенствовать среди всех: он хотел читать голос времени, голос истории, голос бытия. В 1933 году он прочитал их совершенно неправильно, он сам об этом пишет. То есть он обладал чувствительностью по отношению ко времени и к истории ничуть не большей, чем каждый из нас. Нужно об этом помнить, и не так просто доверять его высказываниям на эту тему.

Другая сила, которая тянет его участвовать в происходящем, — это его народ, общее дело. Он попадает в типичные для трагического героя жернова, совершает ошибку в классических терминах. Как мы должны ее квалифицировать — это политическая или философская ошибка? Никакой разницы, потому что философия и политика связаны: «бытие человека — политическое». Однако я считаю, что нам самим нужен подробный ответ, почему его политическая ошибка является также и философской. Это объясняет, почему изучение Хайдеггера сегодня является продуктивным несмотря на то, что тема закрыта, во всяком случае в части выяснения того, был ли он нацистом или нет. Такого рода вопросы — это XX век, уже абсолютно неинтересная постановка вопроса сегодня. Интересно другое — попытаться объяснить, в чем состояла философская ошибка Хайдеггера. Мне это было не так просто сделать. Пожалуй, лишь в этом году я подобрался к ответу благодаря тому, что весной мы читали «Антигону» Софокла, очень важный для Хайдеггера текст, к которому он несколько раз возвращается. Я для себя сформулировал, что его ошибка, попросту говоря, сводится к тому, что у него была неверная концепция истины.

Хайдеггер придумывает концепцию истины, которой у древних греков никогда не было, — истина как непотаенность. Он чрезвычайно рад тому, что откопал это значение слова *ἀλήθεια* в каких-то немецких словарях XIX века. Но крайне наивно думать, что греки были не в курсе буквального значения их слова «истина». Платон прекрасно об этом знает, и все остальные греки, однако они не превращали непотаенность в критерий истины и не противопоставляли непотаенность правильности, как делает Хайдеггер. Вообще концепция истины у греков — от Софокла до Платона — была чем-то третьим. Из этой коллизии Платона, греков и т. д. мы и можем извлечь это третье, что очень продуктивно, поскольку, на мой взгляд, открывает нечто новое, несводимое к критике

старого. Сказанное напрямую связано с ошибкой, которую совершает Хайдеггер. Концепция истины, которую мы можем проследить от Платона до Софокла, — это трагическая концепция истины, имеющая две стороны, что отличает ее от тех, которыми мы оперируем сегодня. То есть хайдеггеровская односторонняя концепция истины как непотаенности и то, что он называет концепцией истины как правильности, научная концепция, тоже односторонняя, потому что предполагают, что в каждом из этих случаев мы разговариваем на каком-то одном языке. Внутри поэтического понимания истины, внутри научного господствует один язык. Концепция же трагическая предполагает две стороны, и переход от одной к другой есть момент перипетии, который переворачивает все вверх дном. Для греков было очень важно пройти этот момент, в котором сходится все: переворачивается не только наше предшествующее представление, что-то происходит с нашей жизнью. Собственно, это и показывает трагедия: не просто какие-то взгляды у Креонта или у Антигоны смещаются — переворачивается вся жизнь. Теория и практика сходятся здесь воедино. С Хайдеггером случилось то же самое.

Так вот, для Хайдеггера поэтическая концепция истины, которую он развивает, связана с поиском своего блага, свободы. Это концепция истины, которую мы хорошо понимаем, когда хотим чего-то достичь, когда боремся против угнетателей или противных нам норм, когда пытаемся выразить момент различия со всей этой прозой жизни. Поэзия — это свободная речь на своем языке, нам очень хорошо понятном, отличающем нас от навязанных норм. В рамках этого мира и остается Хайдеггер, он всегда пытается говорить на своем языке и сознательно отстраняется от возможности, которая для греков является самой важной: то, что мы находим в «Антигоне» Софокла, у Аристотеля, у Платона, — «власть человека покажет». Переход от подчиненного состояния, когда вы хотите себя освободить, к состоянию, когда вы распоряжаетесь властью, — вот это момент истины, та трагическая перипетия, которая показывает вас. И Хайдеггера она показала. Таков переход от одного языка, поэтического, к другому — языку науки, нормативному языку законов и т. д. Этот переход и является самым важным в греческой концепции истины, чего Хайдеггер не понимает. Коль скоро он этого не понимает, то никогда в своей речи не достигает того, что греки считали самым важным, — проверки на истинность, которая показывает, каков человек не в состоянии борьбы за свою свободу, а в момент ее достижения. Хайдеггер не видит этой возможности, отказывается от момента достиже-

ния своей свободы даже в текстах, написанных, когда ему никто не мешает. Кто ему мешает сказать слово в 1933–1934 годах? Он лидер, он вождь, а фактически работает над философией права Гегеля, чтобы, грубо говоря, оказать консультационные услуги проекту Немецкой академии права. Он говорит на поэтическом языке свободы — своем, приватном, частном (в смысле Витгенштейна), но никогда не владеет своей речью. Поэтому те, кто пытается защитить Хайдеггера, сказав, что обстоятельства были против него, что он не виноват, — они не понимают, что делают. Они говорят, что этот человек никогда не был свободен в своих высказываниях, хуже ничего невозможно представить.

Хайдеггер не смог увидеть того, что было очевидно для всех греческих мыслителей: момента, когда меняется собственная речь. Не язык, скажем, с немецкого на английский — собственная речь подчиненного человека сменяется речью человека, распоряжающегося своей свободой. Это принципиально иная речь, однако Хайдеггер не видит этого перехода, этой истины. То, как он толкует символ платоновской пещеры, очень примитивно. Я занимаюсь Хайдеггером несколько последних лет, и именно он навел меня на «Антигону». Но хотя мы видим, что он ошибся, в поисках формулировки для этой ошибки мы можем открыть что-то новое и очень интересное. «Новая ясность» в отношении Хайдеггера, на мой взгляд, наступила, под всеми приписываемыми ему ошибками я подписываюсь. Но поймите меня правильно: чтобы сформулировать, что он сделал неправильно, нам потребуются новые интеллектуальные инструменты, и это чрезвычайно интересно. Спасибо.

Виталий Куренной: Я невеликий специалист по Хайдеггеру, не хайдеггеровед. Тем не менее есть несколько тезисов, которые я хотел бы сформулировать. Мне кажется, Алексей поднял очень важный вопрос об ошибке Хайдеггера. Я постараюсь дать свои ответы.

Как историк философии, начну с самых простых, нейтральных вещей. Мне кажется, случай Хайдеггера интересен как историко-философский кейс в следующем смысле: в современной ситуации у автора возникает специфическая возможность менеджмента, управления своей будущей рецепцией самого себя. Это совершенно новая информационная и культурная ситуация. Давно истлевший Хайдеггер выстроил публикацию своих работ таким образом, чтобы постоянно находиться в фокусе внимания. Я всегда считал Гуссерля гением пиара, но мертвый Хайдеггер, ради которого мы

все тут с вами собрались и в очередной раз обсуждаем тему его национал-социализма, антисемитизма и ошибок в его мышлении бытия, — свидетельство новой культуры управления и манипулирования собственным наследием. Хайдеггер открывает новую главу этой совершенно новой историко-культурной ситуации, и в гениальной прозорливости ему здесь не откажешь. Вероятно, мечта каждого мыслителя — чтобы спустя десятилетия после его смерти в России, в «Музеоне», собирались люди и напряженно обсуждали его книжную новинку. С чем я нас и поздравляю. То есть где-то Хайдеггер ошибался, неверно вступал, но здесь он безошибочен, четок и гениален. Но гениален не как пастух бытия, а как замечательный пиарщик, верно рассчитавший программу своей будущей рецепции. Причем данный случай Хайдеггера прямо-таки образцовым образом иллюстрирует ту структурно-смысловую особенность современной культуры, которую Герман Люббе назвал прецепцией. Понятие выстроено по аналогии с рецепцией, но означает другое явление, связанное с динамикой и специфической историко-культурной озабоченностью именно нашего времени. Мы беспокоимся о том, как наше настоящее будет выглядеть в будущем, когда это настоящее станет уже прошлым. И Хайдеггер был, очевидно, одержим этой идеей, откуда и весь этот план последовательности издания трудов и текстов.

Второй момент, который я хотел бы отметить и который заметил Алексей: Хайдеггер ориентируется в истории не лучше любого из нас — и совершает ошибки. Я считаю эту тему очень важной, она отсылает нас к принципиальному вопросу о политическом суждении философа, а шире говоря — интеллектуала. Случай Хайдеггера совершенно точно высвечивает, что человек, обладавший несомненной гениальностью в области философской рефлексии, в области политического суждения оценивал ситуацию не лучше, а часто хуже любого человека, наделенного здравым смыслом. Иными словами, когда человек с интеллектуальной репутацией философа выходит в сферу политического суждения, то оказывается подвержен тем же ошибкам, что и любой другой человек. Его суждения не более значимы и глубоки, чем суждения любого другого человека, а часто даже и хуже — в силу того слепого пятна, которое накладывает на политическое суждение схема той отвлеченной доктрины, носителем которой он является. Случай Хайдеггера лишний раз подтверждает: нельзя верить интеллектуалам. Никогда.

Теперь мне надо бы перейти к более определенному сюжету, связанному с «Черными тетрадами». И в качестве преамбулы я замечу, что благодаря этим текстам Хайдеггер раскрылся как «кри-

тический критик» современности в самом превосходном смысле. «Черные тетради» — это один из самых критических текстов в отношении цивилизации и общества модерна, которые мне только известны. Хайдеггер выступает как фигура намного более критическая, чем все критики Франкфуртской школы вместе взятые, причем — в силу критического вектора этой критики — эти две критические позиции в общем-то совпадают. А теперь давайте сделаем паузу — там, где я собирался перейти к главному.

*Михаил Маяцкий*²: Я не хочу прерывать Виталия на полуслове.

В. К.: Нет-нет, пауза очень кстати.

М. М.: Я хотел бы отреагировать на одну, не самую центральную тему. Алексей сказал, что Хайдеггер был в авангарде нацизма, я хотел бы уточнить эту мысль. На мой взгляд, он никогда не был в авангарде нацизма, но очень хотел быть. В этом его личная трагедия и вместе с тем спасение, поскольку неизвестно, до чего бы он договорился, оставшись на посту ректора. Возможно, его спасла философия, потому что вся нацистская идеологическая оппозиция по отношению к нему как к претенденту на интеллектуальное господство и лидерство состояла в том, что он — слишком философ, что это далеко от злобы дня, что народу это не нужно и т. д. В архивах сохранились доносы на него, на его непонятную мысль, на язык его философских сочинений, который не зовет молодежь и студенчество к подвигам.

Если говорить о том, что нового я узнал из единственного пока отредактированного тома «Черных тетрадей» и еще одного, мной прочитанного, то это вещи довольно неутешительные. Меня поразило смешение, конфуз, царящий в его мысли. Он совершенно одержим идеей *Kalkül* — счёта, *Machenschaft* — этого странного слова, которое означает махинации, аферы, возню, делишки и к которому он относит все, что ему не нравится в университете, в национал-социализме, в Германии, в человечестве, в истории и т. д. Все это оказывается под одной довольно смутной эгидой, где соседствуют, например, советский большевизм и английская демократия. Махинации сбивают с толку немецкий народ, и тень еврейства, конечно, угадывается за этими *Machenschaften*. Хайдеггер договаривается до того, что и национал-социализм, который его постоянно огорчает, идет не туда, куда он хотел бы его

2. Редактор русского перевода «Черных тетрадей».

направить или повел бы, имей он такую возможность, — он тоже оказывается производным от *Machenschaft*. Делать национал-социализм продуктом еврейского заговора — это, конечно, сильный ход, демонстрирующий скорее беспомощность этого человека, родившегося не в той стране, не на той планете, не в той галактике, которому все не нравится. История должна закончиться, вместо нее начнется новая, и там все будет хорошо и по-новому. Такая царящая в его тетрадах неспособность к различению обескураживает. Дальше можно рассуждать, был ли у него простор для маневра в нацистской Германии. Рорти довольно смешно придумал альтернативную историю, воображаемый выход из этой ситуации, если бы Хайдеггер эмигрировал. Об этом уже можно только фантазировать.

Хайдеггера в нацизме не устраивала его модерновость, а что не устраивало национал-социализм в Хайдеггере? Его постоянное беспокойство. Философское начало, которое в гениальной форме в нем, несомненно, присутствовало, не давало ему остановиться ни на какой окончательной формуле, он постоянно шел дальше. «Черные тетради» полны негодования по отношению к «Бытию и времени», его собственному труду, который сделал его знаменитым. В нем все тоже сказано не так, все это болтовня и т. д. Неуспокоенность в конце концов не дала ему тогда влиться в ряды Криков, Боймлеров и прочих идеологов и заставляет нас сейчас снова и снова возвращаться к этому персонажу, с которым, казалось бы, все давно ясно и в политическом, и в философском отношениях. Здесь я пока остановлюсь. Спасибо.

В. К.: Реагируя на сказанное Мишей, я вам зачитаю один текст, чтобы было понятно, что хайдеггеровский тезис о национал-социализме как форме еврейства — это довольно общее место. Есть целая традиция видеть еврейство в вещах, которые, казалось бы, совершенно ничего общего с ним иметь не могут. К моменту написания его заметок этому общему месту почти 100 лет.

Еврейство удержалось *рядом* с христианством не только как религиозная критика христианства, не только как воплощенное сомнение в религиозном происхождении христианства, но также и потому, что практически — еврейский дух — еврейство — удержался в самом христианском обществе и даже достиг здесь своего высшего развития. Еврей, в качестве особой составной части гражданского общества, есть лишь особое проявление еврейского характера гражданского общества.

Еврейство сохранилось не вопреки истории, а благодаря истории. Гражданское общество из собственных своих недр постоянно порождает еврея.

<...>

Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие*.

Каков мирской культ еврея? *Торгашество*. Кто его мирской бог? *Деньги*.

Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег* — следовательно, от практического, реального еврейства — была бы самоэмансипацией нашего времени.

<...>

Общественная эмансипация еврея есть *эмансипация общества от еврейства*.

Текст очень известный.

М. М.: Карл Маркс.

В. К.: Да, «К еврейскому вопросу». И в этой связи я должен сказать, что просто немного потрясен качеством анализа проблемы еврейства у Хайдеггера историками философии и современными хайдеггероведками. Господин Травни³ написал целую книжку «Хайдеггер и еврейский мировой заговор», ни разу не упомянув теорию Маркса, где еврейство представлено как ключевая характеристика современного капиталистического общества. Вот я продолжу этой темой, этим якобы антисемитизмом. Травни его характеризует как *weltgeschichtlich*.

М. М.: *Seinsgeschichtlich*, историко-бытийный.

В. К.: Да, *seinsgeschichtlich*, оговорился. На деле Хайдеггер просто заимствует одно из общих мест, рассматривать которое нужно применительно не к Хайдеггеру, а к огромной традиции, никоим образом с антисемитизмом не связанной. У истоков здесь стоит фигура Маркса, но если говорить об историческом контексте самого Хайдеггера, то следует упомянуть Вернера Зомбарта и его работу «Евреи и хозяйственная жизнь» и множество других сочинений. Речь идет в первую очередь о литературе, которая волной поднимается после начала Первой мировой войны: до-

3. Петер Травни — немецкий издатель «Черных тетрадей».

статочно назвать работу Макса Шелера «Гений войны» или размышления о культурной специфике немецкого духа Вильгельма Вундта. Обо всей этой немецкой публицистике, возникшей в ходе пропагандистского похода философов и интеллектуалов на Первую мировую войну, можно говорить как о целом дискурсивном комплексе критики современной западной цивилизации. Ее генезис понимается как связанный в том числе с определенными аспектами культуры «еврейства». На страницы «Черных тетрадей» к Хайдеггеру эта критика просто ложится из общих мест этой дискурсивной формации. И в этом отношении Хайдеггер здесь выступает как рядовой представитель критики современного, модернового и, будем прямо говорить, капиталистического общества, где господствуют *Machenschaft*, *Rechnung*, счет, калькуляция и т. д. То есть Хайдеггер если чем-то и поучителен, то лишь как заурядный представитель существовавшей (и существующей, кстати) критики современного общества модерна. И дело здесь не в бездумном заимствовании одного из штампов этой критики — «еврейства», а в том, что случай Хайдеггера высвечивает одну простую вещь — предсказуемую траекторию пути, у истоков которого лежит неприятие счета, плоской рациональности, рынка, торгашества и т. д., то есть всех основных атрибутов цивилизации модерна. К фашизму это имеет ровно такое же отношение, как к марксизму и всей левой критике.

М. М.: Совсем не ровно такое же.

В. К.: Да ровно такое же! Прочитированные слова Маркса — тому подтверждение даже применительно к узкой теме клише о «еврействе»: когда Маркс говорит, что гражданское общество порождает еврея, то имеет в виду, что его генерирует экономическая система капитализма, так как гражданское общество у него — это прежде всего общество экономических интересов. Вся левая критика построена точно таким же образом: на критике торгашества, расчетливости, плоской рациональности. Я удивлен наивности и неспособности современных историков философии хоть как-то зацепить простую суть проблемы. Я открыл статью Нелли Васильевны Мотрошиловой о «Черных тетрадях», которая очень грамотно разбирается с терминами и т. д. Но тут же, где она формулирует свое собственное высказывание, она на лету подхватывает и искренне включается в развитие критической линии Хайдеггера. «Все расписано Хайдеггером абсолютно точно», — восторженно восклицает она, резюмируя всю собственную неприязнь

к масштабным бизнес-планам по созданию в центре Москвы большого музейного комплекса с многоэтажными подземными сооружениями, негодую по поводу непонятной обывателю сложной цепочки реализации таких проектов, которые обвиняются в несоблюдении «меры», возмущаясь безличностью и анонимностью бюрократии, сбиваясь в конце на филиппики против олигархов, которые любят якобы строить себе большие дома. Мне кажется, что за нюансами языка Хайдеггера здесь упущено важнейшее, а именно его фундаментально-негативное неприятие модерна как такового. То есть, добавлю, цивилизации, в которой только и возможно массовое создание больших сооружений, в которой действует безличная и анонимная бюрократия и где существует — помимо прочего разнообразия — также и имущественное неравенство. Мы сколько угодно можем разбирать нюансы того, к какому словотворчеству и к каким общим штампам прибегает при этом Хайдеггер, но нужно ясно понимать, с каким именно по своей глубинной интенции интеллектуальным и культурным явлением мы имеем дело. Это явление называется фундаментально-критическое неприятие цивилизации модерна, и представлено оно, я настаиваю, в равной степени и в марксистской традиции, и в национал-социалистической.

М. М.: Дело не в степени, а в характере. Ясно, что Маркс имел в виду другое, чем Хайдеггер.

В. К.: Ну, Маркс имел в виду, что нужно уничтожить другие группы людей — тут да, важное отличие.

М. М.: Нет, у Маркса речь идет об эмансипации еврея от еврейства.

В. К.: Но эта эмансипация тоже, как известно, должна производиться посредством уничтожения определенных групп людей, определенных классов. Надеюсь, тут никому не нужно пояснять, как это реализовалось. Но я хотел бы затронуть еще один сюжет, связанный с философией власти. Алексей сказал, что для Хайдеггера философия и власть связаны, потому что у него встречается определение человека как существа политического. Но это лишь начало разговора, поскольку это просто повторение дефиниции Аристотеля. А случай Хайдеггера возвращает нас к очень старой и вполне определенной дилемме, связанной со взаимоотношениями философии и власти. Одну позицию здесь занимает Платон, для которого философия и власть должны быть соединены, а вто-

рую позицию как раз занимает Аристотель. Человек для него — существо политическое, полисное, и, конечно, философ тоже существо полисное. Но все же отношение философии и политики в узком смысле слова — как практики управления полисом — мыслится здесь совершенно иначе. Политика в этом смысле — не то, что основано на каком-то глубоком и верном философском знании. Главная политическая добродетель правителя, политика, согласно Аристотелю, — это рассудительность, то есть, грубо говоря, здравый смысл, тот самый *Kalkül*, исчисление. И случай Хайдеггера в очередной раз, к сожалению, доказывает, что схождение политики и власти в одной точке ведет к самым прискорбным последствиям. В данном случае — применительно к репутации Хайдеггера. Если случай Хайдеггера что-то и проясняет, так это что нечего философам лезть во власть. Как говорил Иммануил Кант, воспроизводя аристотелевскую позицию, нельзя ни ожидать, ни даже мечтать, чтобы короли философствовали или философы правили.

Итак, антимодернизм, философия и власть и, наконец, третий момент, который я затрону, тоже совершенно нагляден, лежит на поверхности, — это историцизм Хайдеггера. Появление «Черных тетрадей» позволяет нам детально проследить и понять, как в его мышлении осуществляется *Kehre* — тот самый «поворот» — и в чем же именно состоит его глубинный мотив. При этом он решительно отказывается от «Бытия и времени», которое я по-прежнему считаю великой философской работой XX века, и переходит к совсем другой парадигме. Эта парадигма — историцизм. Историцизм в том простом банальном смысле слова, что Хайдеггер пытается выразить через движение мировой истории, истории бытия. Он и есть выразитель этой мировой истории бытия, и все «Черные тетради» написканы ожиданием того, как, наконец, мировая история от *Machenschaft* перейдет к *Ereignis*, событию. По одному из этих его прогнозов, это случится в 2300 году. То есть человек, в данном случае Мартин Хайдеггер, решил, что улавливает движение самого хода истории. И это действительно фундаментальный поворот, тут появляется сюжет, которого в помине нет в «Бытии и времени», где человек показан как существо ограниченное, контингентное, конечное и т. д. Ни о каком провидении движения мировой истории здесь и речи не идет. «Черные тетради» позволяют нам понять смысл и подоплеку всех поздних хайдеггеровских работ: всех этих событий, четвериц и т. д. Я считаю это важным открытием, и разгадка этой тайны заключается в том, что Хайдеггер просто конвертировался в настоящего ис-

торициста — мыслителя, который самоуполномочил себя правом видеть и говорить от имени мировой истории.

Все эти три составляющие и показывают нам, в чем состоит фатальная философская ошибка Хайдеггера. Он попросту, разделив судьбу бесчисленных критических публицистов, занял анти-модерновые позиции, повторяя банальные, совершенно неоригинальные общие места, связанные с критикой модерна, еврейства, американства, британства...

М. М.: Демократии.

В. К.: Да, за примерами таких рассуждений даже далеко ходить не нужно: открываем работу Шелера «Гений войны», и там про это американство, это британство в сходном критическом ключе написаны сотни страниц. Это стандартная критика. Добавлю, что Владимир Эрн в то же время, параллельно с Шелером, пишет свою знаменитую работу «От Канта к Крупну», где точно таким же образом говорит об упадочной западной цивилизации (замечу, что для немцев *West* в рамках этой дискурсивной формации — это те же французы и британцы, сами они не *West*), построенной на рассудочности и феноменальности. «Величайшие счетчики мира» — так называет немцев Эрн, и в хайдеггеровском *Kalkül* видно, как работает этот вирусный штамп критики. При желании можно пойти дальше в анализе структурного сходства этих критических банальностей и обнаружить, что в противопоставлении у Эрна бытийного начала русской культуры и феноменализма немецкой легко опознается и тоска Хайдеггера по событию явленности «бытия». Но это, повторюсь, не более чем предсказуемое следствие критической позиции того и другого автора в отношении некоторых аспектов современности, вытесненных и приписанных какой-то иной злой культуре — будь то немецкая, как у Эрна, или еврейская, как у Хайдеггера. Поэтому я не думаю, что прояснение языка Хайдеггера или тонкости, связанные с выбором какой-то не той концепции истины, позволяют нам понять, в чем заключается фатальный провал Хайдеггера, представляющего перед нами не как туманный, но великий мыслитель, обладавший свободным и самостоятельным суждением, а как банальная жертва общих мест и пропагандистских штампов своего времени. И неспособность заметить за этими языковыми тонкостями и частными вопросами элементарные, но фундаментальные вещи я считаю очень большим недостатком всей текущей историко-философской работы по интерпретации Хайдеггера.

Я на этом закончу. Считаю, что здесь нет никакой великой тайны, а есть очень простая мораль: если вы включились в логику критического отторжения модерна, преисполнились уверенности в существовании мировой истории, думаете, что распознаете ее ход и сращиваете позиции знания и власти, а не настаиваете, напротив, на их разделении, то обрекаете себя на такой неприятный конфуз, как утрату всякого философского достоинства самостоятельного суждения.

Дмитрий Кралечкин: Я начну с реакции на то, что сказал Виталий, потому что я не читал сам текст «Черных тетрадей», но читал книгу, которую вы держите в руках («Мартин Хайдеггер: критическое введение» Петера Травни. — *Прим. ред.*). На мой взгляд, там есть неплохие ходы. В частности, Травни указывает на проведенную Хайдеггером параллель между фигурой еврея и фигурой Маркса, хотя это тоже не его мысль. Я бы хотел сказать, что защищать Хайдеггера с той позиции, что он просто воспроизводит общие места, — ход не очень сильный, двоякий. Получается, что мы воспроизводим дискурс контаминации, что Хайдеггер не фильтрует. Предполагается, что философский дискурс — это такая система цензуры, фильтров: что-то он пропускает, что-то не пропускает. И в данном случае возникает некий провал, своего рода прободение, результат которого мы видим в этих очень больших, излитых вовне (но одновременно внутрь) текстах. Выходит, что Хайдеггер занимался странной вещью — скрывал от публики общие места. Я не специалист по Хайдеггеру; наверное, это мог быть своеобразный литературный ход, как если бы сейчас кто-то взял стандартный охранительский или либеральный дискурс и писал на нем дневник, скрывая его от публики. Интересно, но непонятно зачем. Это сразу выводит на вопрос о различии между антисемитской критикой модерна и критикой модерна вообще. Мне кажется, что такое различие есть, и оно является автореферентным, поскольку мы можем себе представить критику модерна, которая обходится без терминов «еврей» и т.п. Хайдеггер почему-то ее не использовал, вернее сказать, отыскивал следы семитизма и евреев на большом историческом и социальном горизонте, так что и сам «модерн» у него оказывался чрезвычайно обширным. Грубо говоря, Платон тоже еврей или, по крайней мере, первый еврей из греков, Маркс — еврей, национал-социалисты — в каком-то смысле тоже евреи.

Сама расплывчатость этой фигуры очень характерна для антисемитизма. Антисемитизм представляет собой дискурс, который

воспроизводит именно эту неопределенность. То есть неопределенность фигуры еврея является не более чем эквивалентом неопределенности самого еврейского заговора. Вы не знаете, что это такое, как равно не знаете, что такое еврей. Границ в этом плане нет. Такая расплывчатость воспроизводит, что важно отметить, ходы, выполненные Хайдеггером уже в «Бытии и времени» и повлекшие за собой тот поворот, о котором уже было сказано. Сам антисемитский дискурс можно себе представить в качестве реакции на невозможность разведения бытия и сущего, окончательного проведения онтико-онтологического различия, которое все время оказывается смешанным в самом себе. Если мы не можем провести это различие до конца, если бытие оказывается ускользающей инстанцией, не поддающейся определению, то возникает ощущение, что кто-то в этом, грубо говоря, виноват. Будто бы есть некие странные силы, вписанные, как впоследствии выяснится, в историю бытия, которые не позволяют его провести, постоянно затемняют, устраивают некоторую путаницу и т. д. Подобного рода дискурс постоянного сдвига и заговора, который существует у Хайдеггера на уровне его собственной теории и вводимых им нарративных фигур, ставит очень серьезные вопросы, которые мы предполагаем решенными. Мы предполагаем, в частности, определенную континуальность между философским текстом «Бытия и времени» и дневником, считаем, что там и там есть один автор — Хайдеггер (что для меня совершенно неочевидно). Мы будто бы ничего не знаем о фигуре ненадежного повествователя, которым Хайдеггер вполне может быть; более того, в каком-то смысле это даже обязательно, поскольку работа в философском тексте и дневнике разная. В каком-то смысле это успех Хайдеггера как менеджера собственных текстов, но успех довольно условный.

Хайдеггер в своем завещании распорядился издать все шесть, на данный момент, томов «Черных тетрадей» в собрании сочинений только после того, как будут опубликованы все другие его сочинения — лекции, семинары, отдельные книги, статьи и т. д. А также установил 40-летний срок после своей смерти. Весь юмор ситуации в том, что своим завещанием Хайдеггер предлагал ту структуру частной собственности, бизнеса и т. д., которые он вообще-то оспаривал. Понятно, что при другом раскладе социальных отношений это было просто невозможно, и вполне могли быть ситуации, как в Америке XIX века, когда частные колледжи сталкивались с общественным интересом. Были судебные процессы, в результате которых колледжи могли быть закрыты или ликвидированы, и точно так же Хайдеггера могли бы просто не из-

дать, если бы нельзя было положиться на непреложность частного права, руководящего исполнением завещаний и т. д.

Игорь Чубаров: С одной стороны, я скорее должен солидаризоваться с позицией Алексея Глухова, чем с моими ближайшими коллегами по редакционной коллегии журнала «Логос». С другой стороны, именно в выступлении Алексея была допущена некоторая неточность, грубость, вероятно вызванная тем, что мы ограничены во времени выступлений. Сам Алексей в ней не виноват, но указать на нее было бы бесполезно. Дело в том, что, когда Хайдеггер сводит или отождествляет, как сказал Алексей, философию и политику, он не отождествляет ту политику, которая в этот момент пронеслась в наших головах: политику российского правительства в Сирии или ту, что проводил Гитлер на территориях Восточной и Западной Европы, вообще какую-либо конкретную, реальную политику. Он имел в виду некий философский концепт, возможно, в духе Ницше — великая, «большая политика». Это вроде бы несущественное замечание нужно для того, чтобы такого рода отождествления не выглядели претенциозно и сенсационно. Это тоже общее место философских поисков — найти точку схода, встречи метафизики, философских рассуждений и политических действий. В ней повинны (если можно считать это виной) если не все философы, то большинство из них. Попытка Хайдеггера прорваться к этому вопросу, поставить и решить его, одновременно удерживая упомянутое различие бытия и сущего, — главное для него и является его драмой, единственной, пожалуй, трагедией его мысли, о которой можно всерьез говорить.

На мой взгляд, говорить сегодня, спустя многие годы после смерти Хайдеггера, на фоне продолжающейся публикации его произведений о каких-то его «ошибках» или окончательных неудачах некорректно и даже комично. Это напоминает мне любовь и моду некоторых оппозиционных политиков начинать критиковать и высмеивать бывшего вождя, например Ельцина, через 10 лет после его смерти. А он лежит себе спокойно на Новодевичьем кладбище здесь неподалеку, можно сходить посмотреть на его памятник в виде российского флага.

Я исхожу из того, что сегодня работа с хайдеггеровским наследием, его мыслью должна быть гораздо ответственнее и требует более серьезных усилий. Конечно, это всего лишь слова, но я бы говорил о «денацификации» самой философской мысли, которая в его собственных текстах, в том числе в «Черных тетрадах», на-

ходится не на поверхности и выглядит не так просто. Ведь он связывает не метафизику даже, а ту философию, которой занимался сам, с тем, что называл *Verborgenheit*, сокрытием. То есть он сам называет то, чем занимается эмпирически как философ или писатель, частью исторического сокрытия или забвения бытия. Если этого не учитывать, мы попадаем в смешную ситуацию, когда видим одну сторону его рассуждений и не видим другой.

Под денацификацией философии в этом контексте я бы подразумевал не просто разоблачение одного-единственного философа, который не любил евреев или переусердствовал в своей критике модерна — как бы забежал не туда. Я бы рассматривал его в более почетной компании, вместе с философами, которые связаны с Хайдеггером не нацизмом, а единством мысли или способом думать, такими как Ханна Арендт или Франкфуртская школа. Может быть, Виталий еще скажет о том, что Франкфуртская школа недалеко ушла от некоторых его ярких идей — довольно опасных и требующих серьезной критической, философской проработки. Если говорить о Хайдеггере, то «Черные тетради» служат дополнением к тому, что уже было известно из «Введения в метафизику», например. К историцизму, на мой взгляд, здесь дело не сводится. Было бы странно считать историцизм ошибкой Хайдеггера, а уж тем более утверждать, что бытие из «Бытия и времени» неисторично — это слишком сильный тезис.

С другой стороны, воплощение философских идей в истории, в реальной политике — действительно тот перебор, который Хайдеггер себе, возможно, позволил. Но подбираться к этой мыслительной фигуре, на мой взгляд, нужно с другой стороны, а именно со стороны статуса самой идеи бытия, которую Хайдеггер вынашивал и противопоставлял не только сущему, но и *Dasein* — бытию человеком и т. д. В речи Алексея Глухова *Dasein* было невольно смешано в переводе с бытием как таковым, которое всегда остается неопределенным, чем-то недостижимым не только для философии Хайдеггера, но и для истории самой мысли, для всех философов всех времен. Вот на какие претенциозные заявления был способен этот человек. Сегодня, на новом витке разбирательства с Хайдеггером (здесь можно лишь упомянуть о только что вышедших в *Suhrkamp* дебатах вокруг «Черных тетрадей» с участием современных философов), интерес представляет принципиальный анализ самой этой эксклюзивности. Речь идет об исключении всех других философских позиций и субъектов и лишь как следствие — защите от угрозы уничтожения и забвения этого достижения европейской и немецкой культуры со стороны амери-

канизма, еврейства или коммунизма, которой Хайдеггер оправдывал национал-социализм. Это довольно нетривиально, и спорить с этой позицией можно, лишь предложив какую-то перпендикулярную, радикально отличную от традиционных философскую концепцию, которая смогла бы избежать искушения исторической или политической реализации идеи бытия и не превратиться при этом в жалкую, спекулятивную игру понятий, что, на мой взгляд, было бы более опасной игрой, чем участие в любом НСДАП, КПРФ или КПСС.

В. А.: Спасибо. Михаил, я хотел бы попросить тебя сказать несколько заключительных слов.

М. М.: Мне не хотелось бы произносить заключительные слова. Хайдеггер много говорит о *метаполитике*, что он занимается *метаполитикой* — «мета-» в том же самом смысле, что и в метафизике. С политикой же, связанной с партиями, парламентом, партийной борьбой, избирателями, избирательным правом и т. д., он не хочет иметь никакого дела. Его интересует политика готовности к большим решениям — готовности народа делегировать вождю полномочия великого решения или великих решений. Пока народ не готов, пока планета не готова, его интересует (мета)политика — то, что придет после политики, лишь с этого момента.

Что касается истории, то это действительно важный аспект. В этом или в другом томе, который я читал, есть атаки на Гуссерля именно с этой позиции — как на неисторического мыслителя. Поверхностный смысл этих атак в том, что Гуссерль мало интересовался Грецией и по истории философии был троечником, как известно, ну и занимается историей философии (например, в «Кризисе европейских наук и трансцендентальной феноменологии») совершенно иным способом, чем хайдеггеровский и тот, который мог бы устроить Хайдеггера. Более фундаментальный угадывается в косвенном замечании, что причина — в еврействе Гуссерля, поскольку евреи — неукорененный народ и в силу этого неисторический, только немцы могут проникнуться чувством истории... и т. д. Называть народ Ветхого Завета неисторическим — немного трагикомично. Тут возможна тема рессентимента или Нового Завета: грубо говоря, немцы — новые евреи, которые должны принять у последних эстафету истории. Здесь есть явный узел, который, наверное, можно распутывать.

Арендт, которая была упомянута, до последнего пыталась спасти Хайдеггера от всех нападок, от еще прижизненных обвине-

ний в антисемитизме и, в частности, возлагала вину за эти атаки на «клику Адорно», всячески пыталась обелить Хайдеггера. Понятно, что тут не обошлось без любви, без симпатии, которая сохранилась и после войны. Между тем в разгар их романа Хайдеггер посылает возлюбленной, тогда юной студентке Ханне, свои стихи (о качестве которых не мне судить) и дает некоторые примечания, поскольку использует диалектизмы, архаичные слова и т. д. Объясняет он этот жест так: «Я представляю, как *вам* трудно понять *наш* язык»... Без комментариев. Спасибо.

В. К.: Он гендер имел в виду (*смеется*).

М. М.: А, «вам, женщинам, трудно понять наш, мужской, язык»? Тоже красиво, как говорится.

В. А.: Спасибо. У меня есть вопрос к Виталию. Если у Хайдеггера много общих мест, то в чем все-таки оригинальность его критики модерна?

В. К.: Я попробую среагировать на сказанное Игорем. Я всего лишь подхватил формулировку Алексея о ясности и ошибке, но дело ведь не в Хайдеггере, а в том, что возможность ошибки является постоянно актуальной. Когда я еду по Садовому кольцу и вижу официальное граффити с надписью «Есть вещи поважнее фондового рынка» и нарисованной рядом книгой, которая называется, правда, не «Мировая история бытия», а «История России 2014–2114», это не может меня не трогать. Ведь фондовый рынок — это то самое *Judentum*, еврейство, если работать тут по понятиям Маркса и Хайдеггера, а «История России» — это аналог движения *Seinsgeschichte*, мировой истории бытия. И мы ведь понимаем, о чем речь на московском официальном граффити: вместо того чтобы что-то разумно, рассудочно посчитать, осуществить пресловутый *Kalkül*, нам предлагают великие исторические свершения. Дело-то не в Хайдеггере, а в том, чтобы понимать, где здесь ошибка — я ее таковой во всяком случае считаю. Хайдеггер, конечно, интересен его биографам или историкам, но речь идет об ошибке совсем другого рода. Мы живем в контексте, перенасыщенном текстами про беспочвенную глобальную цивилизацию, *Bodenlosigkeit*, которая пытается якобы лишить нас какой-то там укорененности в каких-то традиционных скрепах. Очевидно, что это актуальные вопросы, но благодаря наличию исторической дистанции с Хайдеггером нам легче и наглядней идентифицировать

природу этой ошибки и некоторых разворачивающихся на наших глазах процессов.

Возвращаюсь к вопросу Валеры — в чем хайдеггеровский вклад в критику модерна? Не могу считать размножение ошибок и соблазнов серьезным вкладом, но попробую сформулировать. Дело в том, что вся критика модерна — неважно, принадлежит ли она Марксу, франкфуртцам или ребятам справа, — фундаментальным образом имеет в виду ликвидацию ситуации раздвоенности, *Entzweiung*, или, если воспользоваться другим термином, также заимствованным у Гегеля, различия, *Differenz*. Кстати говоря, эта понятийная характеристика была сформулирована философом, который на знаменитой давосской дискуссии Хайдеггера с Кассирером присутствовал как ассистент последнего, — это Иоахим Риттер. Тоже, кстати, член НСДАП — обычная история рядового немца, которому пришлось как-то жить при национал-социализме. Правда, из этого опыта Риттер извлек совершенно иные философские выводы, чем Хайдеггер, сформулировав фактически отсутствовавшую до того в немецкой философской традиции позицию аффирмативного отношения к модерну, которую, мы, к сожалению, здесь не обсуждаем.

Именно концепция модерна Риттера и его школы позволяет аналитически выявить тот фундаментальный механизм, который стоит за самыми разными типами критики модерна, и почему критики справа здесь мало чем отличаются от критиков слева. В центре этой критической установки — ностальгическое или утопическое по своей направленности стремление восстановить то единство, которое утрачено в современной ситуации *Entzweiung*. У Маркса это ликвидация отчуждения, раздвоенности между человеческим существом и бесчеловечной машиной капитализма, а у Хайдеггера — ликвидация раздвоенности бытия и сущего. Ложной, по мнению Хайдеггера, раздвоенности, потому что бытие в конечном счете должно явить себя в событии, требующем тотального уничтожения, о чем он твердит в «Черных тетрадах», — и только оно произведет эту ликвидацию. Подлинность бытия будет восстановлена, когда будут сметены все институты модерна, — вот о чем речь. До Хайдеггера никто не понимал структуру *Entzweiung* в терминах бытия и сущего — Хайдеггер тут, безусловно, внес свой «вклад». Добавлю от себя, что единственный способ противодействия ностальгической или утопической тоске по ликвидации раздвоенности — это иметь мужество удерживать раздвоенность, несмотря на всю ее дискомфортность.

В. А.: Спасибо. Пожалуйста, вопросы, краткие реплики.

Владимир Максаков (Gefter.ru): Спасибо. Я немного прокомментирую название этой дискуссии — ясность, *Aufklärung*. Мы пытаемся прояснить какие-то вещи, оставленные Хайдеггером в виде загадки почти 100 лет назад, значит, это нас волнует, и само по себе здорово. Один из основных мотивов его фундаментальной онтологии — это прояснение бытия, которое каким-то образом продолжает нас держать. Не исключено, что держит в том смысле слова, которое близко к хайдеггеровскому пониманию: мы чего-то держимся. А вот чего мы держимся — и есть предмет нашего прояснения.

Пара очень коротких комментариев к выступлению Алексея о несколько самонадеянной позиции Хайдеггера. Когда-то Фихте очень хорошо сказал, что, если философ усомнится в своей правоте, он вообще перестанет говорить. В этом смысле Хайдеггер был очень последовательным. Он довел свою правоту до крайнего субъективизма, который очень уязвим, — что подтверждает его современная критика, — но в этом субъективизме он оставался последовательным в желании глаголить истину.

У меня вопрос к специалистам: можно ли воспринимать тетради как философский дискурс? К примеру, фрагмент, если говорить о Ницше, — это философский жанр, а вот что такое «тетради» — требует уточнения. Кроме того, возникает вопрос об *ἀλήθεια*, об истине, опять-таки к реплике Алексея. Дело в том, что, как показал еще Эмиль Бенвенист, греки не разделяли привативное «не» и корневое слово, они не понимали того, что называется внутренней формой слова: когда мы говорим «несокрытое», мы разделяем отрицательную частицу и то, что она скрывает. Поэтому вычитанное Хайдеггером в *ἀλήθεια* у греков несколько сложнее. Также у меня, вероятно, большой вопрос о том, насколько правомерно говорить об ошибке. Человеческому существу изначально свойственно заблуждаться, и Хайдеггер здесь не исключение. Относительно чего он ошибался, заблуждался? Можно ли говорить об ошибках философии, если речь идет об ошибках в тетрадях? Наверное, их можно встроить между последней на тот момент крупной работой Хайдеггера «Кант и проблемы метафизики» и тем, что у нас издано в виде большого двухтомника о Ницше, который он начинает писать в 1936 году. Как тетради соотносятся с магистральным путем трактатов Хайдеггера, где там ошибки?

Последнее замечание, идущее от младшего современника Хайдеггера, Эрнста Юнгера. Написание дневника, тем более такого откровенного, и оговаривание его публикации в завещании все-

таки требует не только огромного личного мужества, но и высокой степени самостояния, желания понять себя, а затем вынесения этой попытки понять себя на наш суд. Это заслуживает уважения. Спасибо вам за возможность прочитать эти тексты по-русски.

В. А.: Спасибо большое, Владимир. Но у Хайдеггера в «Черных тетрадах» все же нет никакой личной героики в выражении чего-то прямо сокровенного, это не дневники Витгенштейна или Фреге, которые носят совсем другой, гораздо более личный характер.

В. К.: По поводу жанра. Безусловно, это претензия на очень особый философский текст, что мы видим по его построению, структуре, — такой вот дневник мышления бытия. В этом смысле его статус совершенно однозначен. Что касается ошибки, то прокомментирую это исходя из своей и нашей сегодняшней перспективы. Я с двойственным чувством отношусь к этому переводу, поскольку в нашем контексте этот текст, к сожалению, будет теперь служить источником всевозможных злоупотреблений. У нас есть всякие люди, которые пытаются заниматься Хайдеггером, — господин Дугин, например, постоянно к нему обращается. И в текстах упомянутого автора воспроизводятся все те же фигуры, о которых мы сегодня говорили, за исключением, может быть, еврейства, я не знаток его сочинений. Но дело не в еврействе. Конфигурации воспроизводимой здесь позиции могут быть совершенно различными, включая позднего Хайдеггера с его призывом идти в провинцию, за которым, кстати, легко распознается шпенглеровская критика модерна как умирающей урбанистической цивилизации больших городов. В рамках этой конфигурации антимодерновая позиция тоски по подлинности конвертируется в своеобразную деревенскость, и такого рода метаморфозы надо уметь распознавать. Еще раз повторюсь, что, к моему большому сожалению, это слишком актуальный философский текст, слишком радостно он будет воспринят многими нашими кругами в текущей нашей ситуации. Но надеюсь, что сегодняшний разговор сделает нас более готовыми к возможности такого рода злоупотреблений.

В. А.: Спасибо. Есть еще какие-то вопросы, замечания?

Нада Марджи (РУДН): У меня маленькая ремарка по поводу ошибки. Существует мнение, что в формировании национали-

стических идей отчасти повинны Гегель и Фихте, если вспомнить «Речи к немецкой нации». Так чья же ошибка больше — тех, кто приложил руку к созданию предпосылок, или Хайдеггера, который жил в то время и был причастен в силу социально-политической обстановки? Спасибо.

В. К.: Мне кажется, что слово «национализм» очень неудачное, потому что национализм есть рамка государства модерна как такового — мир структурирован как национальные государства, состоящие из наций. Вопрос в том, как вы эту рамку трактуете, тем более что тексты классиков — того же Фихте и прочих — в этой части размыты и поддаются разным трактовкам. Когда мы имеем дело с национал-социализмом — это совсем не национализм в нормальном, стандартном значении, но в первую очередь расовая теория, никакого отношения к национализму не имеющая.

Д. К.: И еще одно краткое замечание по поводу «ошибки Хайдеггера». Я думаю, что к термину «ошибка», который появляется в дискуссии о Хайдеггере, надо относиться очень осторожно. Де-факто он говорит о том, что ошибся в рамках собственных правил и собственной игры, когда не смог услышать, не понял, не совпал с зовом бытия и т. д. (я огрубляю, но тем не менее). С точки же зрения условно конвенциональной политической позиции ошибочны сами используемые им термины. Ошибочной является сама идея необходимости услышать зов бытия, а не то, что его неверно услышали. Грубо говоря, то, как он формулирует свою ошибку, уже является способом себя возвеличить. Не нужно понимать это буквально: я ошибся и винюсь в этом. Ничего подобного.

В. А.: Да, это важное замечание. Итак, мы с вами говорили о первом томе «Черных тетрадей», который вышел в Издательстве Института Гайдара. Мероприятие проходило в рамках юбилейных торжеств, приуроченных к 25-летию журнала «Логос». Это наше последнее мероприятие в сезоне. Тем не менее следите за анонсами на странице «Логоса» в фейсбуке. Наверное, до конца года мы будем еще что-то проводить, будем рады вас видеть.

*Москва, Школа «Музеон»
1 октября 2016 года*

NEW CLARITY IN THE “HEIDEGGER CASE”: A ROUND TABLE

ALEXEI GLOUKHOV. Associate Professor at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, agloukhov@hse.ru.

VITALY KURENNOY. Head, Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities. E-mail: vkurennoj@hse.ru.

National Research University Higher School of Economics (HSE), 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow 105066, Russia.

DMITRIY KRALECHKIN. Philosopher, translator, independent scholar, Moscow, euroontology1@mail.ru.

MICHAÏL MAIATSKY. Research Fellow, Faculty of Humanities, mmaiatsky@gmail.com. University of Lausanne (UNIL), CH-1015 Lausanne, Switzerland.

IGOR CHUBAROV. Director of the Institute of the Social Humanities; senior researcher at the Department of Aesthetics, Faculty of Philosophy, tchubaroff@gmail.com. Tyumen State University (UTMN), 23 Lenin str., Tyumen 625003, Russia. Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovsky ave., Bldg 4, GSP-1, 119991 Moscow, Russia.

Keywords: Martin Heidegger; Heidegger's reception; anti-modernism; philosophy and power; anti-Semitism.

The release of the Russian language translation of the first volume of Heidegger's *Black Notebooks* was the occasion of a round table discussion held in Moscow at the Muzeon Park of Arts with Alexei Gloukhov, Dmitriy Kralechkin, Vitaly Kurennoj, Michail Maiatsky, and Igor Chubarov as guest speakers moderated by Valery Anashvili. In addition to the central topics of the volume, various aspects of Heidegger's thought that now need reappraisal in light of the *Black Notebooks* (which are currently being translated into various languages) were also considered. Some of those aspects are purely biographical, such as the question of Heidegger's so-called “error” and his “turn” or *Kehre*. Other aspects have ramifications beyond Heidegger's views on such issues as what the “received opinions” (e.g. on anti-Semitism) at the time were and how they were dealt with by philosophers, anti-modernism, the similarities and differences in the critique of modernity from the “left” and the “right,” and the relationships between philosophy and politics or authority, anti-Semitism, etc.

DOI: 10.22394/0869-5377-2018-3-205-230